
**ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ
ПРОБЛЕМЫ**

**ЭВОЛЮЦИЯ ПОЛИТИКИ ЭКОЛОГО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО
РАЗВИТИЯ***

© 2015 г. А.А. Гусев

(Москва)

Рассмотрены пути становления науки об устойчивом развитии как в мире, так и в России за последние 20 лет. Обоснованы подходы к совершенствованию инструментов формирования “зеленой” экономики. Предложены основы механизма экономического стимулирования решения экологических проблем.

Ключевые слова: устойчивое развитие, “зеленая” экономика, эколого-экономическое обособление, охрана окружающей среды.

Классификация JEL: Q56.

Несмотря на постоянное внимание к проблемам охраны окружающей среды во всем мире, начиная со второй половины прошлого столетия, острота экологической ситуации не снижается.

Основной причиной такого положения являются *изначально неправильно выбранные ориентиры взаимоотношения общества и природы*. И одна из причин здесь кроется в последствиях существовавших ранее предпосылок действенности административных рычагов при подчиненной роли экономических воздействий. Другая причина заключается в притуплении восприятия экологической напряженности путем осуществления сравнительно дешевых и быстро реализуемых природоохранных мероприятий (строительство и реконструкция очистных сооружений и т.п.) ценой отсрочки перехода к кардинально улучшающим ситуацию новым технологическим процессам. Третья заключается в том, что природоохранная деятельность, как правило, непосредственно не приводила к улучшению текущего экономического положения предприятий. Нетрудно заметить, что эти причины связаны между собой.

Осмысление происходящего и необходимость выработки новых ориентиров, основанных на концепции устойчивого развития, нашли отражение в докладе Комиссии ООН по окружающей среде и развитию “Наше общее будущее” (1987 г.). Под устойчивым развитием в докладе понимается такая форма прогресса общества, которая удовлетворяет потребности ныне живущих людей и не ущемляет возможности будущих поколений обеспечивать свое существование. Помимо приведенных ранее причин кризиса во взаимоотношениях общества и природы, отмечена общая причина кризиса: перекося использования ресурсов для будущих поколений в целях роста текущего потребления. Позднее, в июне 1989 г. встреча на высоком уровне стран “Большой семерки” призвала к скорейшему принятию во всем мире стратегии, базирующейся на концепции устойчивого развития, которая предполагает достижение паритета между экономическими и экологическими ценностями общества. В социальном аспекте устойчивое развитие предполагает в первую очередь осуществление мер, направленных на искоренение бедности. И, наконец, в документах первой всемирной Конференции ООН по устойчивому развитию (1992 г.) в Рио-де-Жанейро (“Декларация Рио”, “Повестка дня на XXI век”) указано на необходимость превращения любого вида хозяйственной деятельности в экологически безопасную, т.е. совместимую с требованиями гармоничного развития общества и природы.

Условием перехода к устойчивому развитию служит разработка механизма достижения вышеуказанного паритета. С учетом особенностей отдельных стран предполагалось создавать на-

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект 14-02-00303а) и Российского фонда фундаментальных исследований (проект 15-06-00535).

циональные стратегии эколого-экономического развития. На разных этапах обсуждения перспектив перехода к устойчивому развитию вставляли вопросы разработки национальных концепций, а затем и стратегий такого развития. В поддержку реализации положений Конференции в Рио-де-Жанейро (1992 г.) в России в 1994 г. был издан Указ Президента РФ о формировании концепции перехода страны на модель устойчивого развития. На второй всемирной Конференции ООН по устойчивому развитию в Йоханнесбурге (2002 г.) страны-участники, включая Россию, приняли обязательство принимать и реализовывать стратегии устойчивого развития, начиная с 2005 г. В нашей стране, к сожалению, до разработки такой стратегии дело так и не дошло.

В международном аспекте значимым проектом в рамках перехода к устойчивому развитию явились финансовые механизмы реализации положений Киотского протокола о сокращении антропогенного воздействия на климат. Эти механизмы были основаны на взаимовыгодной торговле квотами на выброс парниковых газов на международном углеродном рынке. При этом, по экспертным оценкам, Россия являлась самым крупным продавцом таких квот, а на финансовых рынках имелся ликвидный актив в виде указанных квот (Аверченков, 2009). Однако Россия проявила слабую активность на международном углеродном рынке в первый период реализации финансовых механизмов Киотского протокола (2008–2012 гг.). Далее РФ заявила о неприсоединении ко второму периоду реализации обязательств Киотского протокола. При этом к окончанию первого периода нереализованная Россией часть квот при ее неучастии в Киото-2 не принесет ей никакого дохода. Кроме того, наша страна имеет жесткие добровольные обязательства снизить выбросы парниковых газов к 2020 г. на 25% по сравнению с базовым 1990 г. В дальнейшем отказ от участия в Киото-2 сопряжен с возможным ущербом национальной экономике.

В общем случае механизм достижения паритета между экономическими и экологическими ценностями общества должен быть ориентирован на использование эколого-экономических, а не сугубо экономических критериев принятия хозяйственных решений. При этом решение экологических проблем должно быть экономически выгодным. По существу такого рода комплексный механизм практически не реализуется, хотя имеются теоретические основы для его разработки (см., например, (Гусев, Данилов-Данильян, Рюмина, 2002)).

Отсутствие действенного механизма согласования хозяйственной и природоохранной деятельности привело к тому, что за прошедший более чем 20-летний период после Первой всемирной Конференции ООН по устойчивому развитию (1992 г.) на планете произошли многочисленные кризисы. В докладе Программы ООН по окружающей среде (ЮНЕП) (Навстречу “зеленой” экономике, 2011), подготовленном к Третьей всемирной Конференции ООН по устойчивому развитию, которая состоялась в Рио-де-Жанейро (2012 г.), отмечается: “Несколько одновременно протекающих кризисов возникли и ускорились в течение последнего десятилетия: кризисы изменения климата, биоразнообразия, топлива, продовольствия, воды, а также в последнее время – финансовой системы и экономики в целом”.

Нынешнюю модель экономики, воплощение которой вызвало отмеченные выше кризисы, называют “коричневой” экономикой. Так, по данным исследования HSBC, экологическая составляющая в пакете антикризисных мер таких стран, как США, Канада, Германия, составила всего от 8 до 13%. Согласно докладу ЮНЕП, “в последнюю четверть века наблюдался рост мирового ВВП в четыре раза, что повысило уровень жизни сотен миллионов человек. Однако при этом качество 60% основных мировых экосистемных товаров и услуг, необходимых для их существования, снизилось, или же эти товары и услуги использованы неустойчивым образом. Это обусловлено тем, что в последнее десятилетие экономический рост достигался главным образом за счет расходования природных ресурсов – человечество не давало запасам восстанавливаться, но позволяло экосистемам деградировать и исчезать”.

Дальнейшее воплощение нынешней модели может привести к тому, что согласно прогнозам ОЭСР к 2050 г. в сравнении с началом XXI в. мир лишится двух третей (от 61 до 72%) флоры и фауны, а сохранность природных территорий будет необратимо нарушена на площадях, сопоставимых с территорией Австралии.

В развитии российской экономики просматриваются антиустойчивые тренды. Среди них можно отметить: формирование высокоуглеродной экономики; усиление роли и удельного веса природоэксплуатирующих секторов – энергетики и металлургии; формирование экспортно-

сырьевой модели (более 90% составляет сырьевой экспорт, среди которых энергоресурсы – около 70%) (Бобылев, 2013). При этом наблюдается высокий уровень физического износа оборудования.

Реализация концептуальных положений перехода РФ на модель устойчивого развития должна быть подкреплена институциональной поддержкой. Однако на этом пути случались и институциональные провалы. Целесообразно отметить три документа нормативного и правового характера.

Во-первых, еще в 2002 г. Президентом РФ были утверждены “Основы политики Российской Федерации в области науки и технологий на период до 2010 г. и дальнейшую перспективу” (30 марта 2002 г. № Пр-576). В этом документе были обозначены шаги к переходу на инновационный путь развития экономики. Однако реальных сдвигов по диверсификации экономики не было сделано, а осуществлялась политика сбережения сверхдоходов от нефтедолларовых поступлений под будущее использование.

Во-вторых, в “Законе об охране окружающей среды” (2002 г.) была утверждена концепция использования наилучших доступных технологий (НДТ). Такие технологии служат базой эколого-технологического нормирования на пути перехода к использованию экологически чистых технологий. Долгое время эта концепция на практике не реализовывалась. Только успехи стран ЕС в применении НДТ подтолкнули к разработке мероприятий, направленных на их внедрение в нашей стране. В этом же законе было провозглашено возмещение ущерба от загрязнения окружающей среды в полном объеме. Однако действующие платежи за загрязнение окружающей среды значительно меньше экономического ущерба, поэтому они слабо стимулируют природоохранную деятельность.

В-третьих, кардинальным направлением построения низкоуглеродной экономики является увеличение в энергобалансе страны доли возобновляемых источников энергии (ВИЭ), технологии получения которой можно отнести к экологически чистым. Попытка разработать Закон о ВИЭ была предпринята в России в конце 1990-х годов. В данном законопроекте был провозглашен приоритет поддержки только экономически эффективного использования нетрадиционных возобновляемых источников энергии. Провал таких законодательных инициатив был связан с тем, что они практически не стимулировали использование ВИЭ, так как возобновляемые источники обходятся дороже традиционной электроэнергетики.

Поскольку после Первой конференции ООН (1992 г.) фактически не было разработано целостной системы инструментов, направленной на достижение паритета между экономическими и экологическими ценностями общества, то возникла необходимость разработки механизма перехода к более совершенному качеству взаимоотношений общества и природы. Появился новый термин – “зеленая” экономика, которая по сути должна быть основана на использовании указанной системы инструментов.

Накануне Третьей конференции ООН (Рио+20) эксперты ЮНЕП предложили наиболее общее определение “зеленой” экономики – как хозяйственной деятельности, “которая повышает благосостояние людей и обеспечивает социальную справедливость и при этом существенно снижает риски для окружающей среды и ее обеднение”. Здесь имеется в виду система видов экономической деятельности, связанных с производством, распределением и потреблением товаров и услуг, которая приводит к повышению благосостояния людей в долгосрочной перспективе, не подвергая будущие поколения воздействию значительных экологических рисков и созданию экологического дефицита. Существует и более узкая трактовка “зеленой” экономики, включающая как разработку, производство и эксплуатацию технологий и оборудования для контроля и уменьшения выбросов загрязняющих веществ и парниковых газов, мониторинга и прогнозирования климатических изменений, так и технологий энерго- и ресурсосбережения и возобновляемой энергетики.

Для перехода к “зеленой” экономике должны быть созданы соответствующие условия. В докладе ЮНЕП отмечается, что «на национальном уровне примерами таких условий являются: корректирование фискальной политики; реформирование и сокращение субсидий на производство, вредные для окружающей среды; приток государственных инвестиций в ключевые “зеленые” сектора; переход к “зеленым” государственным закупкам; совершенствование экологичес-

ких правил и положений, а также обеспечение их применения. На международном уровне также существуют возможности совершенствования рыночной инфраструктуры, внешнеторговых потоков и потоков финансовой помощи, а также развития международного сотрудничества».

За рубежом экономическая политика “зеленого” роста официально принята ОЭСР в 2009 г. в качестве стратегического направления развития всех ее членов на долгосрочную (до 2030 г.) и более отдаленную перспективу (до 2050 г.). Южная Корея была первой страной, которая объявила реализацию концепции “зеленого” роста национальной стратегией. Стратегия нацелена на сохранение масштабов производства при минимальном использовании энерго- и иных ресурсов, сведение к минимуму нагрузки на окружающую среду всех используемых видов энергии и ресурсов и принятие мер для превращения инвестиций в природоохранную деятельность в движущую силу экономического роста. Так, по данным исследований HSBC, экологическая составляющая в пакете антикризисных мер составила в Южной Корее 81%, что значительно выше этого показателя в таких странах, как США и Германия.

Для перехода к низкоуглеродной экономике сформулированы мировые ориентиры, отраженные в Программе ООН “Устойчивая энергетика для всех”, которая осуществляется с 2012 г. В числе целей данной программы, которые должны быть достигнуты к 2030 г.: обеспечение общего доступа к современным энергетическим услугам; снижение интенсивности мирового энергопотребления на 40%; увеличение доли ВИЭ в общей выработке энергии до 30%. В основе всеобщего доступа к ВИЭ лежат: 1) гарантия для поставщиков ВИЭ подключения к сети; 2) долгосрочный контракт на поставку энергии из возобновляемых источников; 3) надбавки к стоимости произведенной энергии.

Для внедрения ВИЭ существенной оказывается институциональная и инвестиционная поддержки. В институциональном аспекте, по данным на середину 2011 г., 89 государств обладали нормативно установленными целями развития возобновляемой энергии, в том числе 81 страна имела специальные льготные тарифы на подключение этой энергии. В инвестиционном аспекте отмечался стремительный рост капиталовложений стран “Большой двадцатки” в развитие ВИЭ, которые всего за семь лет выросли с 52 млрд долл. США в 2004 г. до 260 млрд в 2011 г. (Порфирьев, 2013). Большинство стран стремятся добиться вклада ВИЭ в общую выработку энергии на уровне не менее 15–20% к 2020 г., а страны ЕС – до 40% к 2040 г.

Вклад ВИЭ в энергобаланс России не превышает 1%. Принятые в последние годы государственные решения предписывают довести вклад ВИЭ к 2020 г. до 4,5%. В качестве институциональной поддержки ВИЭ можно отметить, например, распоряжение Правительства РФ № 1839-р “Об утверждении комплекса мер стимулирования производства электрической энергии на основе возобновляемых источников энергии” от 4 октября 2012 г. В аспекте инвестиционной поддержки относительно скромные значения показателей развития ВИЭ в России по сравнению со многими зарубежными странами объясняются, в частности, следующим обстоятельством. В течение многих лет традиционной электроэнергетике и газовой промышленности ежегодно из федерального бюджета выплачиваются громадные суммы, соответственно 15 и 25 млрд долл. США. Если хотя бы 10% этой суммы было направлено на поддержку ВЭ, то уже в настоящее время Россия была бы в числе передовых стран по использованию возобновляемой энергии (Безруких, 2012).

Построение механизма достижения паритета между экономическими и экологическими ценностями общества базируется на формировании инструментов стимулирования снижения антропогенной нагрузки на природу, создании условий экономически выгодной природоохранной деятельности и целевой государственной поддержке охраны природы. Для перехода к “зеленой” экономике, в соответствии с рекомендациями ЮНЕП, предлагается широкий спектр инструментов, среди которых можно отметить: экологизацию налогообложения, предполагающую смещение акцента с традиционных налогов на налоги на загрязнение; разработку методов оценки последствий экономического развития; экологическую коррекцию макроэкономических показателей, показывающих объективную оценку “зеленого” роста; политику целевой государственной поддержки исследований и разработок, связанных с созданием экологически чистых технологий.

Справедливости ради следует отметить, что исследования, направленные на разработку ряда вышеуказанных инструментов, проводились в России уже давно. Так, созданы методики оцен-

ки экономического ущерба от загрязнения окружающей среды (Временная типовая методика..., 1986; Методика..., 1999), принципы экологизации налогообложения (Гофман, 1994) и пути совершенствования макроэкономических показателей с учетом их экологической коррекции (Гофман, Гусев, 1981).

В качестве современной институциональной поддержки перехода к “зеленой” экономике в России имеются два важных документа. Во-первых, “Энергетическая стратегия России на период до 2030 года”, утвержденная Распоряжением Правительства РФ от 13 ноября 2009 г. № 1715-р. Ключевым стратегическим ориентиром долгосрочной государственной энергетической политики в этом распоряжении является экологическая безопасность энергетики, что в первую очередь означает внедрение ВИЭ. Во-вторых, это “Основы государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 года”, утвержденные Президентом РФ 30 апреля 2012 г.

В документе отмечается необходимость *полного возмещения вреда* от загрязнения окружающей среды. Это приводит к необходимости скорректировать действующие системы платежей за загрязнение, поскольку они *в десятки раз ниже* расчетных величин экономического ущерба. Такая коррекция сопряжена с экологизацией налогообложения, которая должна строиться на принципе фискальной нейтральности.

Кроме того, в упомянутых “Основах государственной политики...” поставлена задача достичь жестких социальных нормативов качества окружающей среды, включая нормативы сохранения биоразнообразия. Приближение к таким нормативам возможно только на основе использования экологически чистых технологий. Для этого в указанных “Основах государственной политики...” ставится задача поэтапно исключить практику установления временных сверхнормативных выбросов (ВСВ) вредных веществ, например, в атмосферный воздух. Существование ВСВ связано с экономическими и технологическими ограничениями в процессе согласования производственной и природоохранной деятельности в определенном периоде времени. Поэтому в процессе приближения к экологически чистым технологиям должны использоваться НДТ. Стимулирование внедрения НДТ во многом связано с уменьшением платы за загрязнение, устанавливаемой на базе полного возмещения экономического ущерба.

В целом указанные “Основы государственной политики...” можно считать стратегическим документом, направленным на оздоровление экологической ситуации в стране. Принятый позднее Федеральный закон от 21 июля 2014 г. № 219-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “Об охране окружающей среды” и отдельные законодательные акты Российской Федерации», на наш взгляд, можно рассматривать как тактический документ во исполнении ранее выработанных “Основ государственной политики...”. Федеральный закон № 219 направлен на гармонизацию процесса внедрения НДТ в нашей стране с нормами международного права. Вместо показателей ВСВ в нем вводится норматив *временно разрешенных выбросов*, устанавливаемый для достижения нормативов допустимых выбросов (вместо существовавших показателей ПДВ) или технологических нормативов (на основе использования НДТ). При этом непонятно, как согласуется достижение нормативов допустимых выбросов с социальными нормативами типа ПДК. В системе стимулов внедрения НДТ в данном законе в явном виде отсутствует установление платы за загрязнение окружающей среды на базе возмещения экономического ущерба. Но предусматриваемый в Законе № 219 комплекс экономических и технических мер внедрения НДТ должен способствовать оздоровлению экологической обстановки в стране.

При переходе к “зеленой” экономике важно совершенствовать такие инструменты, как: экологизация структурной перестройки экономики; механизм создания условий конкурентоспособного перехода к использованию экологически чистых технологий и продукции; оценка динамики социально-экономического роста.

Одной из сторон экологизации перестройки экономики должно стать максимально возможное исключение вредных продуктов как из производства, так и потребления. Жизненно важным направлением такого рода структурной перестройки является переход к производству и потреблению *органических сельскохозяйственных продуктов*. Органическое земледелие означает такой способ производства, при котором запрещено использовать синтетические агрохимикаты (минеральные удобрения и пестициды), а также методы генной инженерии с целью получения эко-

логически чистой продукции. Существенной предпосылкой развития органического земледелия в России служит наличие огромных площадей пахотных земель (черноземов), не загрязненных пестицидами, минеральными удобрениями и другими вредными веществами.

Другим кардинальным направлением экологизации структурной перестройки экономики должно стать *построение низкоуглеродной экономики* путем увеличения в энергобалансе страны доли ВИЭ. Значимость внедрения возобновляемой энергетики в нашей стране обусловлено еще и тем, что две трети ее территории с населением около 20 млн человек находится вне сетей централизованного энергоснабжения. Важной особенностью использования ВИЭ является возможность сочетания его внедрения с мерами повышения энергоэффективности. Так, например, бессмысленно устанавливать солнечные системы отопления в домах с высокими тепловыми потерями. Для успешного внедрения ВИЭ необходимо осуществить комплекс мер, среди которых: утверждение государственных целей использования возобновляемой энергетики; разработка и утверждение программ работ, направленных на достижение государственных целей; назначение эффективного органа исполнительной власти, ответственного за реализацию программ и достижение государственных целей; реформа конкурентной системы отбора исполнителей НИОКР, поставщиков оборудования и проектировщиков объектов возобновляемой энергетики. Последняя мера связана с тем, что конкурсная система построена таким образом, что конкурс выигрывает организация, предлагающая наименьшую цену за лот. Вот и выигрывают конкурсы фирмы типа “Рога и копыта”, предлагающие цены, за которые серьезные специалисты выполнить работы по лоту не берутся (Безруких, 2012).

Конкурентоспособность ВИЭ по сравнению с применением традиционных источников получения энергии необходимо обосновать с эколого-экономических позиций. Экономическая поддержка возобновляемой энергетики должна базироваться на государственной политике как ценовых надбавок на более дорогую энергию от ВИЭ, так и на компенсации таких надбавок в системе субъектов рынка электроэнергии. Необходим учет экологического фактора, поскольку традиционный энергетический сектор является крупнейшим загрязнителем окружающей среды. Так, выбросы этого сектора составляют более 50% всех вредных веществ в атмосферный воздух страны, около 20% загрязненных сточных вод и свыше 30% твердых отходов производства (Бобылев, 2013). Экономическая поддержка использования ВИЭ должна базироваться на учете предотвращаемого экономического ущерба от загрязнения атмосферного воздуха, водных источников и размещения твердых отходов при сопоставимой выработке электроэнергии традиционными энергопроизводителями. Важность применения комплексного эколого-экономического критерия заключается в том, что учета только экономической поддержки может оказаться недостаточно для обоснования конкурентоспособности ВИЭ.

Конкурентоспособность органического земледелия по сравнению с традиционным также необходимо обосновать с эколого-экономических позиций. С одной стороны, производственные результаты традиционного земледелия, как правило, выше, например, благодаря более высокой урожайности сельскохозяйственных культур и более низким производственным затратам. Но, с другой стороны, в органическом земледелии – более высокие цены на одноименную продукцию по сравнению с традиционным земледелием. Это – экономическая мера поддержки органического земледелия. Учет экологического фактора необходим, поскольку существуют стоимостные оценки экологических выгод при переходе от традиционного к экологическому земледелию. Это – и предотвращаемые виды экономического ущерба как от загрязнения водных объектов минеральными удобрениями, так и вред здоровью населения при отказе от использования пестицидов. Особую сложность здесь представляет определение предотвращаемого ущерба при отказе от применения пестицидов. Ранее были предложены методы оценки только части такого предотвращаемого ущерба, связанного со снижением заболеваемости сельского населения в хозяйствах, где не применялись пестициды (Охрана окружающей среды, 1977). Сейчас появились подходы к получению более общей оценки предотвращаемого ущерба. Так, по данным ЮНЕП, использование традиционных технологий является причиной 3–5 млн случаев отравления пестицидами и более чем 40 тыс. смертей в год (Навстречу “зеленой” экономике, 2011).

С позиций “зеленой” экономики такой традиционный макропоказатель экономического роста, как рост ВВП, не выдерживает критики из-за недоучета отрицательных последствий хозяйствования на благосостояние людей. В докладе ЮНЕП подчеркивается, что ВВП и другие при-

вычные экономические показатели – это “искажающие линзы”, не отражающие того, насколько экономическая деятельность изменяет реальные процессы потребления и накопления в народном хозяйстве. Так, по официальным данным, до кризиса 2008 г. ежегодный прирост ВВП в России достигал 6–7%. По данным Всемирного банка, при экологической коррекции (учете истощения природного капитала, загрязнения окружающей среды) изменения в этот период оцениваются как негативные – (минус) 10–13%.

Идея коррекции традиционных макропоказателей была высказана в нашей стране еще тридцать с лишним лет назад. В работе (Гофман, Гусев, 1981) было показано, что относительное уменьшение ресурсов, выделяемых на нужды охраны природы, в традиционном макропоказателе (тогда использовался показатель конечного продукта) может создать лишь видимость роста ресурсов для потребления и накопления, так как их растущая часть будет расходоваться на компенсацию потерь от экологических нарушений, а реальное потребление и накопление в народном хозяйстве сократятся. Поэтому очищенный макропоказатель, т.е. традиционное его значение за вычетом экономического ущерба от загрязнения окружающей среды, более адекватно отражает характер социально-экономического развития страны с учетом отмеченной экологической составляющей. Позднее было показано, что динамику социально-экономического роста будет наиболее адекватно характеризовать показатель двойной очистки ВВП, т.е. традиционный ВВП за вычетом экономического ущерба от загрязнения окружающей среды и природной ренты (Гусев, 2012; Рюмина, 2009).

Дополнительное финансирование “зеленой” экономики в России может быть связано с тем обстоятельством, что наша страна является *мировым экологическим донором*. Крупнейшие на Земле российские рекреационные зоны, водные, водно-болотные и лесные ресурсы обеспечивают общемировой сток только дополнительного чужого углекислого газа в количестве от 300 млн до 1 млрд т ежегодно в пересчете на антропогенный углерод. Сохранение таких ресурсов для природного обеспечения устойчивости климата планеты может послужить аргументом для переговоров на международных саммитах о создании финансовых механизмов поддержания естественного влияния на климат. В основу таких механизмов может быть положен *принцип неиспользования природных климатических ресурсов* в хозяйственной деятельности. Пример применения такого рода принципа уже имеется. Так, Эквадор получил от международных организаций компенсацию в размере свыше 3 млрд долл. за отказ от нефтедобычи в истоке Амазонки. Размер компенсации был определен как возможные потери прибыли от нефтедобычи. Источником финансирования сохранения таких ресурсов в России может выступить международный “Зеленый климатический фонд”.

Поступательное формирование “зеленой” экономики возможно только на пути системных преобразований в эколого-экономическом развитии России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аверченков А.А.** (2009). Экономические аспекты глобального экологического сотрудничества. В кн.: *“Кто есть кто в экономике природопользования: Энциклопедия”*. М.: Экономика.
- Безруких П.П.** (2012). О возобновляемых источниках энергии и перспективах их использования в России. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://portal-energo.ru/articles/details/id/505>, свободный. Загл. с экрана. Яз. рус. (дата обращения: июнь, 2014 г.).
- Бобылев С.Н.** (2013). “Зеленая” экономика и Россия. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.slideshare.net/zelenyimgu/ss-25267128>, свободный. Загл. с экрана. Яз. рус. (дата обращения: июнь, 2014 г.).
- Временная типовая методика определения экономической эффективности осуществления природоохран-ных мероприятий и оценки экономического ущерба, причиняемого народному хозяйству загрязнени-ем окружающей среды (1986). М.: Экономика.
- Гофман К.Г.** (1994). Переход к рынку и экологизация налоговой системы России // *Экономика и математические методы*. Т. 30. Вып. 4. С. 22–34.

- Гофман К.Г., Гусев А.А.** (1981). Экологические издержки и концепция экономического оптимума качества окружающей природной среды // *Экономика и математические методы*. Т. XVII. Вып. 3. С. 515–525.
- Гусев А.А.** (2012). Основы модернизации эколого-экономического развития // *Экономика природопользования*. № 2. С. 40–47.
- Гусев А.А., Данилов-Данильян В.И., Рюмина Е.В.** (2002). Экологизация производственной и непроизводственной деятельности. В кн.: *“Стратегия и проблемы устойчивого развития в России в XXI веке”*. М.: Экономика.
- Методика определения предотвращенного экологического ущерба (1999). М.: Госкомэкологии РФ.
- Навстречу “зеленой” экономике. Пути к устойчивому развитию и искоренению бедности (2011). [Электронный ресурс] Программа ООН по окружающей среде. Режим доступа: http://www.unep.com.ru/wdownloads/ger_synthesis_ru.pdf, свободный. Загл. с экрана. Яз. рус. (дата обращения: июнь, 2014 г.).
- Охрана окружающей среды (модели управления чистотой природной среды) (1977) / Под ред. К.Г. Гофмана, А.А.Гусева. М.: Экономика.
- Порфирьев Б.Н.** (2013). “Зеленая” экономика: реалии, перспективы и пределы роста. [Электронный ресурс] Режим доступа: http://carnegieendowment.org/files/WP_Porfiriev_web.pdf, свободный. Загл. с экрана. Яз. рус. (дата обращения: июнь, 2014 г.).
- Рюмина Е.В.** (2009). Экономический анализ ущерба от экологических нарушений. М.: Наука.

Поступила в редакцию
01.10.2014 г.

The Evolution of Policy of Ecological and Economic Development

A.A. Gusev

The ways of becoming a science of sustainable development in the world and in Russia over the past 20 years considered. The approaches to improve the tools of institution of “green” economy proposed. The framework of economic incentives for the solutions of environmental problems proposed.

Keywords: sustainable development, “green” economy, ecological and economic assessment, environmental protection.

JEL Classification: Q56.